

© 2009 г. Л.В. Жаров

СЕКСУАЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

В ПРЕДЕЛАХ НАУКИ – ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

Рассматривается феномен человеческой сексуальности с позиции современной философии и науки. Раскрываются вопросы о непознанном в человеческой сексуальности; специфики сексуального агностицизма. Анализируются природные основы сексуальности человека. Отмечается современное видение сексуальности как метафорическое описание образов.

Ключевые слова: человеческая сексуальность, сексология, телесность.

Дать исчерпывающее определение человеческой сексуальности – задача сложная и парадоксальная, ибо в этом случае предполагается, что науке более или менее ясен феномен самого человека, равно как и свое определение. Вряд ли пониманием того, кем является человек и чем является наука может похвастаться любая из существующих ныне философских и духовно-нравственных систем. Через всю современную философскую антропологию красной нитью проходит мысль о том, что нет и не может быть единой концепции человека, одинакового понимания его природы и сущности, ибо человек оказывается выше всех попыток его определения. Это обстоятельство не только не снижает интереса к антропологической проблематике, а напротив, ставит как вечную проблему осознание самой онтологической идеи человека в сопоставлении с вечными идеями Бога, Природы, Бытия и т.д. Достаточно подробный фактический материал на эту тему можно найти в аналитическом обзоре С.С. Смирнова, опубликованном в 2003-2004 гг. на страницах журнала «Человек», и ряде других изданий. Эта загадка человека для самого себя со времен Античности и до наших дней является одним из самых мощных исследовательских стимулов, даже при заведомом несовершенстве любого из возможных ответов.

Состояние вечной неудовлетворенности, равно как и осознание своего принципиально неустранимого несовершенства стимулируют поиск нового, хотя вопрос о прогрессе или регрессе человека вряд ли имеет однозначное решение, осо-

бенно в реалиях XXI в. В высшей степени все это относится к феномену человеческой жизни, обозначаемому как «сексуальность» и понимаемому как базисный элемент человеческого существования. В ней есть все: дуальность природной организации и социокультурного начала; космическая размерность в русле идей микро- и макрокосмоса; противоречия духа, души и тела; вектор движения к Богу или Дьяволу; свобода выбора и жесткая детерминированность тела; возрождение и умирание. По характеру сексуальности во всех ее измерениях можно достаточно уверенно судить о человеке в целом, о векторах его развития, целях и идеалах. Правда, обыденное сознание чаще исходит из обратного положения: каков человек, таков и его сексуальный мир, что звучит достаточно банально, но является собой в сущности содержательный теоретический вопрос.

Если принять это за элементарный исходный тезис научного «портрета» человеческой сексуальности, то сразу возникает вопрос об эпистемологическом инструментарии такого исследования и его онтологическом основании. Одним из перспективных направлений современной эпистемологии считается концепция инактивирования и телесного познания. Суть ее в неразрывной связи и взаимодействии феноменов человеческой телесности с познанием мира и инактивированием, т.е. встраиванием познающего агента в реальность и, в тоже время, его автономным функционированием. Сексуальность является собой в этом смысле почти идеальный объект для анализа, ибо она реализуется как внутри индивида, так и в парном или групповом взаимодействии. Рассматривая сексуальность как атрибут телесности со всеми ее противоречиями и парадоксами можно обрести продуктивный угол зрения на проблему и получить новое знание. При этом придется столкнуться с еще одной методологической проблемой, а именно индивидуализацией, которая получила развитие в так называемом «методологическом индивидуализме» (З. Бауман и др.). Сила этого подхода в попытке описать возрастающую значимость индивидуальных проявлений социальной жизни в такой сфере как сексуальность. Стало уже трюизмом со времен «блудопоклоннической прозы» Ж. Батая, что суть сексуального и эротического состоит именно в отходе от общепринятых норм и стандартов, в их преодолении в индивидуальных актах социального действия. Страсть нарушает социальный порядок и «путает карты» в методологии социального познания, требуя языка не науки, а философии, искусства, религии. Как хорошо выразился О. Пас, «Вселенский распад – вот источник эротического и его жиз-

ненное начало!» [1, с. 376]. Какое место в этом процессе занимает индивидуальность и насколько ее опыт важен для всеобщих выводов, которые в свою очередь, становятся явно неадекватными для понимания индивида? Вопрос отнюдь не риторический и требующий ответа, даже в вероятностном варианте в духе современных концепций сингулярности.

Следует иметь в виду, что упомянутые тенденции современного этапа развития эпистемологии, в том числе и в отношении сексуальности человека, испытывают мощное влияние того, что обозначено как отрицание сущности родового начала в человеке и его телесной специфики в угоду информационно-энергетическим подходам, небытию как своеобразному идеалу развития. Сексуальность имманентно несет в себе многие признаки «иного», и манифестация ее в детском и подростковом возрастах связана с осознанием вторжения какой-то «посторонней» и часто пугающей силы. Можно указать на блестящую литературную интерпретацию этого тезиса – роман А. Моравиа «Я и Он», построенный на основе диалога мужчины со своим половым членом, который ведет себя как самостоятельная сущность, «иная» по отношению к самому человеку. Это «иное» несет в себе потенциальную гибель, являясь основой для отождествления сексуальности и смерти – идеи сквозной для всей мировой культуры. Являясь ипостасями бытия человеческой тел взаимосвязаны как генетически, так и функционально. Само половое размножение, по-видимому, может быть понято, как программа обеспечения большего генетического разнообразия, несущего потенциально большую вариативность феномена жизни, оставляя за рамками науки вопрос о целях такого явления. Среди механизмов обеспечения этого феномена особое место занимает состояние экстаза, оргазма, обозначенного часто как «маленькая смерть», что символизирует выход за пределы актуального существования, прорыв в бесконечность, в Космос и т.п. Понятие «Я» и «Другой», «Свое» и «Иное» приобретают особые в анализе человеческой сексуальности, отражая такие ее существенные стороны как текучесть и спонтанность. В свое время Ж. Бодрийяр в «Прозрачности зла» постулировал приход всеобщей транссексуальности как атрибута искусственности.

Эта методологическая преамбула к попытке ответа на вопрос «что такое сексуальность?» как, очевидно, не дань модным новациям в этой области, а своеобразный подбор инструментария для исследования. Тут явно недостаточны классические рационалистические подходы, характерные для сексологиче-

ской мысли XIX в., призывающей все делать «по уму» т.е. «естественно» и по благословию Церкви, т.е. духовно. «Сексуальная революция» XX в., знавшая несколько волн и «контрреволюций» перевернула многие, казалось бы, устойчивые понятия, а Постмодерн вообще перевел проблему в семиотическую игру без правил, сделав философствование по этому поводу ненужным и излишним. То же самое случилось и с проблемой телесности, которая в ряде теоретических построений полностью утратила человеческое измерение и даже элементы здравого смысла, хотя о самом теле такого сказать нельзя. Грядет ли в XXI в. неоклассицизм или мировая цивилизация станет полностью постчеловеческой – вопрос открытый. Зафиксируем пока нынешнее, кризисное состояние человеческой телесности и сексуальности, неопределенность ее настоящего и будущего, неудовлетворенность ее постижением в знаково-символической форме.

Определенный вклад в научное понимание человеческой сексуальности вносят данные репрезентативных социологических опросов, прежде всего в США и странах Евросоюза. На них опираются все современные фундаментальные руководства по научной сексологии. Авторы одного из них, ссылаясь на известного социолога Иру Рейсс, постулируют даже необходимость создания университетского курса по самостоятельной дисциплине – сексуальной науке [2, с. 60-61]. Обосновывается это ростом сексуального насилия в мире, угрозой ВИЧ-инфекции, передаваемой половым путем, равно как и другой патологии; ранними беременностями, абортами и др. Общество и государство должно признать необходимость фундаментальной подготовки в этой сфере научно-педагогических кадров и их институционализации. Горячим сторонником такого подхода является корифей отечественной сексологической науки академик И.С. Кон. Это предполагает среди прочих задач и усиление работы по социально-философскому осмыслению проблем человеческой сексуальности. Научный подход начинается с максимально возможного отграничения данного понятия от смежных, с нахождения и обозначения его топики. Древнейшая схема, дошедшая до наших дней, помещает человеческую сексуальность посередине между животными ее проявлениями и ангельской асексуальностью, находящей воплощение в любви, как явлению сугубо духовной сферы. От «скотского» или падшего состояния человека через любовь до возвышенных проявлений телесной жизни, а затем до вечного бытия бесполой души – это суть проблемы в тезисах западных монотеистических религий.

Восток в этом смысле достаточно специфичен идеей тантрического секса, где дозволено все во имя соединения с Мировой Душой и просветления человека. Так или иначе, но тезис о несовпадении, противоречиях и парадоксах любви и сексуальности происходит как сквозная идея через всю мировую культуру.

В этой связи особенно показательна книга английского социолога Энтони Гидденса, показавшего тенденцию современного общества к новому этапу слияния любви и сексуальности, в отличие от классических обществ, десексуализировавших любовь. Он ввел понятие «конфлюэнтной любви» (т.е. «любви – слияния») как активного и неожиданного чувства, предполагающего равенство в эмоциональной отдаче и получении [3, с. 83]. Она не вполне соответствует классическим идеалам романтической любви с установками последней «раз и навсегда» и «ты и только ты», но акцентирует телесное сексуальное наслаждение как основной момент, в том числе и в однополном варианте. «Чистота» отношений понимается здесь не как отсутствие их физической стороны, а как взаимная телесно-духовная удовлетворенность, как в браке, так и в других формах сексуальности. Мне уже приходилось высказываться по поводу противоречий этой «троицы» – любви, сексуальности и брака [4, с. 17-23]. Трудность уразумения этих парадоксов, пожалуй, сравнима только с тайной и непостижимостью Троичности Бога в христианской догматике.

Надо сказать, что сексологии как науке или, шире говоря, «сексуальной науке» в общем никогда не везло. Все ее корифеи, от З. Фрейда и до наших дней, подвергались в той или иной мере остракизму, а их творения с трудом пробивали себе дорогу. Видимо, дело в том, что эта проблематика затрагивает самое интимное и болезненное в человеке, прикасается к глубинам психики, в которые лучше иногда не заглядывать. Тезис «Загляни в себя и ужаснешься!» как нигде более применим к сфере сексуальности, которая, как показано тесно связана с потенциальным насилием и агрессией. В обыденном сознании человек, «озабоченный» сексом, ассоциируется с потенциальным насильником, маньяком, серийным убийцей или в лучшем случае с персоной, от которой лучше держаться подальше. Что же касается гомофобных высказываний, то можно только поражаться живости воображения наших современников, изобретающих такие способы мучений гомосексуалов и других инакомыслящих в этой сфере и истребления этой «нечисти», какие не снились и сотне маркизов де Садов.

Захватывающая время от времени все СМИ антипедофильская истерия и паника по накалу страстей и кипению ненависти далеко превосходит все, что сказано в свое время нацистами о расовой угрозе. При этом нередко ссылаются именно на «науку», которая якобы доказала абсолютную зловредность носителей этих качеств и чуть ли не необходимость их, мягко говоря, «селекции», даже если они ничего не совершали в реальности. В отечественной сексологической мысли ситуация тоже достаточно плачевная. Как с грустью констатировал академик И.С. Кон: «новейшие биомедицинские, социальные и психологические теории сексуальности нигде и никем не обсуждаются» [5, с. 332]. В философской мысли ситуация несколько иная. Говоря о понимании сексуальности в границах науки, следует еще раз вспомнить о подвижности и условности этих границ, о современном постнеклассическом понимании самой науки о тех ее «обликах», которые рождаются на наших глазах в начале XXI в. Сексуальность относится к числу «плывущих» понятий, переходящих свои границы, концептуализирующихся в широких рамках смыслового поля, превосходящего все бинарные оппозиции. Акцентирование текучести и многозначности категорий сексуальности стало уже общим местом в теоретических изысканиях современности, хотя не прекращаются попытки «ухватиться» за главное звено, понять, что же за матрица заложена в человеке, которая определяет основное в его сексуальной биографии.

Особое внимание этому вопросу уделил И.С. Кон, настаивающий на сложности дилеммы эссенциализма и социального конструктивизма, применительно к сексологической теории и практике поведения людей и их идентичности. Нет и не может быть особой, неизменяемой «сущности» секса, которая жестко детерминирует «правильное» сексуальное поведение человека, выводя все остальное за рамки нормы. Наука в этом смысле не должна поддаваться искушению выделить и исчерпывающе описать «атом», «молекулу» или «ген» сексуальности, как единую и саму себе равную сущность, встроенную Творцом или Природой в телесную организацию человека. Это было бы очень удобно с точки зрения обыденного сознания, привыкшего к селекции людей по определенному признаку. Тогда деление на «нормальных» и «ненормальных» в сексуальном поведении было бы простой процедурой, зависящей от возможностей лабораторной диагностики. Причем, под наукой при таком подходе явно или неявно понимаются естественнонаучные дисциплины, исключаящие путаницу плохо

определяемых психологических и социологических понятий. Эти моменты анализируются еще со времен классических работ М. Фуко по социальному конструктивизму, тезисов Ж. Бодрийяра о символичности пола и невозможности выражения его сущности в виде «целых чисел» и других аналогичных подходов. Важно отметить, что в сексологической теории как нигде ярко проявляется так называемый «феномен Маугли», согласно которому «ключик» для «замка» сексуальности внутри генома человека находится не в самом человеке, а вырастает как итог его столкновения с Другим хотя бы в знаково-символической форме. Теоретический анализ всех возможных форм и модификаций моносекса дает убедительные доказательства в пользу этого предположения. В этом смысле сексуальность не является ни в коем случае чисто «телесной» функцией, хотя реализуется через телесные механизмы. Правда, это относится к нынешнему «несовершенному» состоянию человеческой телесности, где имеет место «соматизация», т.е. возведение в абсолют его телесно-физических достоинств. В сфере сексуальности это ярко проявляется в бесконечной дискуссии по поводу размеров «мужского достоинства» или бюста, или ягодич, или чего-то еще, по принципу: чем больше, тем лучше. Как ни странно, наука и религия здесь солидарны: первая хочет одухотворить телесность и в перспективе сделать ее ангельской, а вторая упорно ищет способы ее переделки, имея идеалом вечно молодое и вечно вожделеющее тело, в духе «наслаждающегося комка нервов», по поводу чего иронизировал еще Л.Н.Толстой. А поскольку современность дала феномен виртуальной сексуальности, то один из логических выводов из ситуации сделал Славой Жижек в тезисах о асексуальных гуманоидах, избегающих тупиковых положений, вытекающих из полового диморфизма. Вот тогда и настанет время «чистой духовности», не загрязненной липким «клеем телесной похоти, а сексуальность будет полностью» «преодолена».

В каком-то смысле тело в сексуальности во многом выполняет и сейчас роль интерфейса, своеобразной клавиатуры, на котором набираются нужные смыслы общения с самим собой или с Другим. С этих позиций во многом теряется смысл дискуссия по поводу нормальности или ненормальности тех или иных телесных проявлений сексуальности и особенно их «естественности» или «извращенности». Дело здесь не только в окончательном разделении репродуктивных и нерепродуктивных установок сексуального поведения, что произошло в конце XX века с появлением перспектив клонирования челове-

ка. Исследователи философии человеческой телесности подчеркивают пришествие «новой телесности», «цифрового тела», «катавасии топик», безудержного стремления выйти за границы, пределы физического тела, что приводит к кризису идентичности (работы В.А. Подороги, П.Д. Тищенко, С.С. Хоружего) [6]. Психологическое тестирование лиц с нарушением половой идентичности выявило тенденцию к некоему «усреднению» половой идентичности, что связывается с глобальным процессом «унисекса» во всех сферах жизни [7, с. 273]. Человеческая телесность становится, по С. Жижеку, «постчеловеческой», обретая смысл в символической Вселенной, где говорить о «нормах» и «правилах» можно только в метафорическом смысле, что приходит, однако, в столкновение с жесткими социокультурными традициями и фанатической готовностью их защищать. Возникает законный вопрос – что же может сделать наука для познания феномена сексуальности с учетом его специфики, о которой шла речь выше? Применяя известное сравнение о том, что пол это свет, а гендер это цвет, можно поставить вопрос о границах естественнонаучного познания феномена сексуальности, о возможностях генетики, биологии развития, эмбриологии и смежных дисциплин. Развивая указанную метафору, можно сказать и так: где та призма, которая разлагает свет пола на радугу гендера или, используя выражение О. Паса – как первобытный огонь секса порождает пламя Эроса и голубые огоньки любви?

Методологи науки уже не раз подчеркивали то обстоятельство, что колоссальный объем знаний, накапливаемый естествознанием, особенно экспериментальным, отнюдь не сопровождается ростом понимания глубинных закономерностей. Это во многом относится и к исследованию сексуальности с позиций генетики, эволюционной биологии, нейрофизиологии и других дисциплин. Когда для обоснования истинности своего мнения по поводу тех или иных проявлений сексуальности ссылаются на «НАУКУ» как последнюю инстанцию, люди, как правило, плохо представляют себе, что имеется в виду. Особенно это относится к обсуждению экспериментальных данных, полученных на простейших организмах для доказательств того или иного понимания гомосексуальности и других вариантов сексуального поведения человека. Создается впечатление, что мир ждет и никак не дождется «*experimentum crucis*», того решающего прорыва, который раз и навсегда расставит точки в феномене сексуальности. Хотя подобные сенсации появляются в сети Интер-

нет практически ежедневно, они только подбрасывают дрова в костер научных дискуссий и множат число теоретических подходов в сексологии, которых и так насчитывают более трех десятков. Поскольку первой заповедью сексологической теории является мультидисциплинарность подхода, основная трудность состоит в совмещении подходов разных дисциплин, способных дать нечто теоретически связанное и обладающее хотя бы некоторой предсказующей силой. В этом, очевидно, состоит главная трудность теоретизации в сексологических подходах: объект и предмет исследования невозможно точно зафиксировать, даже если пара добровольно соглашается на экспериментальный анализ акта сексуальной близости с фиксацией всех возможных параметров, например МРТ мозга. Элиминировать возможность влияния аппаратуры на соответствующие показатели вряд ли возможно и теоретически и практически. Поэтому интерпретация таких данных носит достаточно вероятностный характер, что впрочем относится и ко всем остальным объективным показателям сексуальной активности человека. «Эссенция» сексуальности как идеал соответствующего подхода оказывается весьма текучей и все время ускользающей от исследователей.

Возникает вопрос – есть ли в человеческой сексуальности то, что мы никогда не познаем, какими бы изощренными методиками объективного анализа мы не пользовались? Есть ли обоснование специфического сексуального агностицизма? Как известно, современный агностицизм принял форму конвенционализма, что означает принципиальную невозможность проверки истинности понятия на практике, в связи с чем приходится довольствоваться соглашением (конвенцией) сообщества познающих. Здесь может идти речь о своеобразной неререфлексивной вере в истинность тех или иных положений, что в высшей степени приложимо к сфере познания сексуальности, о чем уже шла речь выше. Методологический индивидуализм должен быть наполнен конкретным содержанием, поскольку в опыте даже одного человека может как в призме преломиться самое существенное в опыте человечества. Сугубо индивидуальное может быть в сфере сексуальности самым всеобщим, на что уже неоднократно обращали внимание классики этого жанра, применявшие на деле древнейший принцип: «все во всем». Психологам и сексологам хорошо известна ситуация шока, когда человек «вдруг» обнаруживает в своих реальных поступках, снах или фантазиях что-то явно выходящее за рамки «норматив-

ной» сексуальности, принятой в данном обществе и в данное время. Эти ситуации нередко провоцируются алкоголем, наркотиками или экстремальными ситуациями в интимном общении. Осознание своей «ненормальности» сначала шокирует, а затем часто любопытство берет верх и «эксперименты» продолжают. Судя по данным многочисленных опросов, особенно на форумах сексуальных сайтов в Сети, большинство «первопроходцев» примиряется с реальной полисексуальностью поведения и ищут в ней то, чего им не хватало ранее. В этом смысле «чистая» наука вряд ли может дать критерий нормальности или девиантности сексуального поведения человека, что явно отражается в господствующей сейчас тенденции расширения рамок сексологической диагностики, особенно в западной медицине. Скорее всего в каждом человеке потенциально заложена возможность всех мыслимых и немыслимых форм сексуального нерепродуктивного поведения или во всяком случае «природа» не поставила тут непроходимых абсолютных запретов. Преодоление границ пола, возраста, кровного родства и других барьеров вызывает нередко морализаторский ужас, но к самой науке это в сущности не имеет отношения. Отвечая на вопросы: что, как и почему происходит в проявлениях человеческой сексуальности, наука принципиально не может исчерпывающе ответить на вопрос «зачем?». В то же время, очевидно, что именно этот вопрос имеет основной человеческий смысл, именно его психологическая составляющая, не говоря уже о моральной, является подлинной Голгофой для человека.

Рассмотрим имеющиеся на сегодняшний день обобщенные «ответы» науки на эти вопросы. Разумеется, нельзя объять необъятное поле генетики, эволюционной и сравнительной биологии, медицины и смежных дисциплин, да и не нужно этого делать. Можно и нужно попытаться дать анализ обобщающих концепций, несущих в себе ключевые моменты для понимания феномена сексуальности. Оказывается их не так уж и много и, что удивительно, львиная доля их посвящена анализу пограничных форм сексуальной идентичности и поведения, в основном гомо и бисексуальности. Сексуальная маргинальность привлекает внимание науки по многим причинам, но прежде всего потому, что носители этих форм ориентации и поведения подвергаются в той или иной степени дискриминации в своих правах. В ряде стран в последние годы и десятилетия сформировалась теория – квир как своеобразный «зонтичный» термин для обозначения маргинальных сексуальных самоидентификаций, что выхо-

дит за рамки традиционных лесби-гей исследований [8, с. 5]. Квир, в сущности преодолевает идентичность как таковую, ибо его носители не «заикливаются» на какой либо идентичности как традиционной, так и нетрадиционной. Идеалом является самоидентификация, не имеющая определенных четких границ и находящаяся постоянно в процессе самоконструирования, что является собой нечто новое в привычном тысячелетнем пейзаже человеческой сексуальности. Чтобы понять и этот «вызов» XX-XXI вв., необходимо обратиться к обобщающим концепциям современной эволюционной генетики и популяционной биологии, ищущих специфику человеческого сексуального поведения.

В последние годы XX и начале XXI в. все более и более находят подтверждение несколько ключевых концепций человеческой телесности и сексуального поведения, основанные на более глубоком понимании природы и сущности человека. Во-первых, активно дискутируется вопрос о генетическом компоненте сексуальной ориентации, его удельном весе и механизме реализации в изменяющихся условиях среды. Исследования ведутся в рамках глобального проекта «Геном человека» и посвящены в основном проверке гипотезы о генетическом наследовании гомосексуальности у мужчин в зависимости от участка плеча X-хромосомы, названного Xq 28 и передаваемого по материнской линии. Механизм действия усматривается во влиянии гена на синтез андрогена и, соответственно, маскулинизацию мозга. Главный вывод, имеющий определенное мировоззренческое значение, состоит в том, что гены влияют на сексуальное поведение не прямо и однозначно как переключатель «да» и «нет», а опосредованно, вероятностно и коррелятивно. Неопределенность и известная степень непредсказуемости представляются в этой связи не следствием недостаточной точности экспериментов, что вполне понятно и будет далее корректироваться, а гораздо более глубокой и парадоксальной ситуацией. Она отчасти напоминает положение с осознанием квантово-волнового дуализма в физике начала XX в. и ситуацией принципиальной невозможности «точного» определения координат частицы и волны. Если выражение о том, что судьба нашей сексуальности в наших генах имеет смысл, то речь ни в коем случае не идет о фатальной предопределенности, имеющей пожизненный характер и не поддающейся коррекции. Перефразируя известную шутку, можно сказать, что генетика сексуального поведения это ни «да», ни «нет», а знаменитое «может быть», от чего, как известно, нельзя закаиваться. Если в

обозримом будущем ребенок будет рождаться и расти с генетическим паспортом, в котором указано что и примерно когда с ним в жизни может случиться, то эти положения будут иметь рамочный характер рекомендаций и предостережений. Они не исключают, а предполагают максимальную свободу личности в «обращении» со своим генетическим «багажом», если, разумеется, человечество не обратится в биороботов и заложников своих генов. «Выдаваемый» человеку при рождении набор «любовных карт» (по терминологии Дж. Мани) допускает столь значительный набор вариаций, что игра в них становится пожизненным увлекательным занятием, мало напоминающим следование строгим правилам дорожного движения. Известный специалист по психологии эволюции Р.А. Уилсон подчеркивает, что «младенец генетически подготовлен к исполнению любой сексуальной роли, однако, он (или она) начинает механически, роботически воспринимать ограничения своей социальной и культурной среды, следовать им и воспроизводить их» [9, с. 124].

Характер генетической «эссенции», если уж в ней хотят видеть нечто неизменное, делающее нас мужчинами и женщинами, «третьим полом» и т.д. с невообразимо разнообразным сексуальным поведением, оказывается тоже не вполне стабилен, что собственно и требуется уразуметь. Одна из острейших проблем современной генетической инженерии состоит именно в том, насколько можно активно вмешаться в это природное несовершенство и нужны ли миру сексуально усовершенствованные «мутанты». Если подтвердится в обозримом будущем нынешняя тенденция к виртуализации сексуальности и игре симулякров соблазна вместо привычных телесно-душевных контактов, то роль генетического фактора будет выглядеть совершенно иначе. Возможно, отбор признаков будет направлен не на телесность, а на иные измерения человеческого существования, что породит и соответствующие проблемы. Подводя итоги рассмотрения комплексной проблемы «Гены, гормоны и мозг» И.С.Кон приходит к выводу, что «степень жесткости и сами механизмы формирования природной предрасположенности бывают разными... нет одинакового для всех гомосексуализма есть многообразные гомосексуальности [10, с. 74]. Разумеется, это в полной степени относится и к сексуальностям в самом общем смысле термина. Природная матрица генетически-гормональной регуляции деятельности мозга дает любому человеку целый спектр возможностей построения своего сексуального поведения с разной долей вероятности како-

го-либо конкретного проявления. Единственной личной задачей человека в этом отношении является выбор социально и культурно приемлемых форм реализации своих потенций в духе «гуманистического секса» по Э.Берну. Генетическая определенность это не «клеймо» и не «метка» на человеке и тем более не повод для его заведомой дискриминации по тем или иным признакам. Выявление генетических маркеров потенциальных насильников и маньяков при всем благородстве замысла может дать противоположный результат и породить массовую истерию, что уже неоднократно наблюдалось.

Второй интереснейшей сферой анализа природных основ сексуальности человека является эволюционная и сравнительная биология, приматология и зоопсихология. Более 30 лет назад впервые вышла в свет «Голая обезьяна» Десмонда Морриса, а затем появились его же «Людской зверинец», «Голый мужчина» и «Голая женщина», ставшие сенсацией. С тех пор поток литературы на эту тему стал необозримым. В 1979 г. вышла книга Дэвида Саймонса «Эволюция человеческой сексуальности», где развито представление о сущности полового отбора в человеческом обществе и разных стратегиях поведения мужчин и женщин. Отечественный специалист М.Л. Бутовская, обобщив огромный материал по эволюционной биологии, приходит к выводу, что «плюралистический» подход к объяснению сексуального размножения, по видимому, является единственно разумным средством к постижению тайны полового отбора» [11, с. 376]. В том же ключе высказываются ведущие западные специалисты по эволюционной психологии Джек и Линда Палмер: «Логическая загадка гомосексуального поведения в эволюционном контексте решается при исследовании онтогенеза конкретных людей [12, с. 188]. При разнице стратегий сексуального и брачного поведения мужчин и женщин, все более находит эволюционное подтверждение тезис Давида Гилмора: «Мужественность это ... готовность давать, дарить и помогать. Мужчины питают свое общество, проливая свою кровь, пот и семя...» [13, с. 235-236]. Автор в конце этого абзаца поставил вопрос: «почему это так происходит?», но решение его предоставил философам, а не социальным антропологам. Женщине, в свою очередь, нужны гены и ресурсы для воспитания потомства, причем они не всегда могут сочетаться в одном мужчине. Дискутируемая сейчас цифра в 11 % британских женщин, зачавших и родивших, как оказалось, не от мужа, причем сами они

об этом не догадывались, говорит о неоднозначности сексуальных стратегий и роли случая не подчиненного жестким социальным нормам.

Можно в шутку, а можно всерьез говорить о дискурсе ДОЗы, понимая Д как деньги (ресурсы); О - оргазм (залог «хороших» генов) и З - защита (охрана генов и ресурсов). У каждой женщины, разумеется, своя «доза», через призму которой осуществляется бесконечное разнообразие конкретных форм сексуального общения. Мужчина тоже в определенном смысле заложник своей «дозы», понуждаемый к добыче ресурсов (денег), получению оргазма и оплодотворению наибольшего количества женщин и принимающий на себя заботу об одной (или нескольких) и их совместном потомстве. Таков общий характер этого первобытного «костра» сексуальности, осознание чего если не добавляет романтизма в отношения, то позволяет преодолеть некоторые страхи и иллюзии, правда за счет появления новых. Как иронизировал упомянутый Десмонд Моррис: «Вот она стоит – прямоходящая, занимающаяся охотой, владеющая оружием, территориальная, неотеническая, мозговитая Голая Обезьяна» [14, с. 51]. Это самое сексуальное существо на планете, физически и физиологически готовая делать «это» всегда, начиная с эрекции у внутриутробного плода, до пожизненной сексуальной восприимчивости женщины и ее своеобразной гиперсексуальности; от выраженной инверсии доминирования самца перед самкой до реакций нашей «рептильной» части мозга. Мужчина должен быть всегда «готов», а женщина всегда «податлива» – эти стереотипы, за которые часто приходится расплачиваться, сформировались на базе физиологии приматов и подобно матрице навязывают определенный тип поведения, даже вопреки индивидуальным особенностям.

То что «образы» мужчин и женщин исторически изменчивы в любом эволюционирующем обществе, стало уже общим местом, хотя следующие из этого тезиса выводы далеко не всегда еще адекватно восприняты общественным сознанием. Создается впечатление, что преобладающей темой в дискуссиях становится поиск черт «настоящего» мужчины и «настоящей» женщины, которыми непременно должны обладать люди, дабы вести успешную сексуальную жизнь. Одной из самых мощных фобий в этой сфере является страх быть или казаться в глазах окружающих «неформальным», «маньяком» и т.п., в связи с чем от науки требуют дать точное определение нормы сексуального поведения и определить степень «тяжести» тех или иных девиаций. Речь, конечно,

в первую очередь идет об однополном сексе, о переходе граней возраста, родственных связей, сексуальных действиях с животными и некрофильных тенденциях. Наука должна, по мнению некоторых, раз и навсегда «разобраться» с этими отклонениями от статистической нормы и принятых в обществе традиций сексуального поведения и дать рецепты их коррекции. Если же это невозможно, то от науки ждут обоснования мер по селекции носителей этой ориентации прежде всего в виде так называемой «химической кастрации», временно превращающей человека в асексуальное существо. По этой логике, если человек испытывает интерес к тому или иному виду сексуальных девиаций или его возбуждает что-то необычное с точки зрения репродуктивной сексуальности, то он с железной необходимостью рано или поздно проявит эти тенденции в самом насильственном варианте. Предполагается, что «нормальный» человек должен хотеть только одного – супружеского нормативного секса, в полном уединении и темноте, молчании и сдерживании произвольных проявлений эмоций. Целью же должно быть, разумеется, деторождение и укрепление уз брака, путем дарения взаимного удовольствия, при постоянном и жестком контроле своих действий. Если что-то прорывается в сновидениях, грезах и мечтах, в измененном состоянии сознания под действием алкоголя, наркотиков, гипноза, психоанализа и других воздействий, то наука должна научить человека блокировать эти импульсы, угрожающие, как утверждают, и человеку и обществу. Набирающее сейчас силу неопуританство базируется на идее укрощения секса, власти над телом и его импульсами во имя полной свободы и самовыражения, чему секс явно мешает, порабощая человека. Секс действительно всегда был относительно независимой силой, с которой человеку надо уметь обращаться, о чем уже в наше время свидетельствует опыт изучения феномена транссексуальности, который стал подлинным знаменем сексуальной революции. Некоторые тенденции этого этапа были описаны в моей монографии «Бисексуальная революция», вышедшей в свет в 2003 г. [15]. Сейчас все более и более можно говорить об «информационном сексе», о сексуальном перформансе, к изучению которого все более обращается наука, хотя это уже более искусство, чем объект классической науки.

Современная наука все более обретает статус постнеклассического феномена, что в высшей степени приложимо к сексологии, или шире говоря, к науке о человеческой сексуальности. Одной из самых существенных черт постнекласси-

ческой науки, применительно к объекту и предмету сексуальности, является ее человекоразмерность как определенная модификация антропного принципа и стирание граней между научными и вненаучными подходами. Выше уже шла речь о междисциплинарности как важнейшем методологическом принципе изучения любого аспекта человеческой сексуальности, о синергетическом подходе к этой сложной и саморазвивающейся системе. Это предполагает включение ценностных компонентов в самую ткань научного исследования, без чего невозможно делать какие-нибудь серьезные обобщения и прогнозы. «Включенность» самого исследователя в процесс изучения сексуальности, его личный опыт и выводы из него могут иметь статус подлинно-научного факта и его интерпретации. Хотя эта сфера удивляет огромным разнообразием практик и мнений по их поводу, но в то же время обращает внимание упорное стремление большинства людей соответствовать какой-то «норме», а даже намек на отклонение воспринимается крайне негативно, как несмываемое клеймо. Как заметил И.С. Кон: «современная сексуальная медицина все больше ориентируется не столько на «пол», сколько на индивидуальность своих клиентов и пациентов». Это заставляет совершенно иначе подходить к вопросу о «научном» обосновании сексологической нормы, которая традиционно ориентировалась либо на среднестатистические показатели (над которыми иронизировал еще А. Кинзи), либо на господствующую в данном обществе религиозно-духовную систему регуляции этих отношений. Пришедшая на смену этим представлениям концепция «партнерской нормы», по умолчанию, отвергала все виды сексуальной активности человека с самим собой и с иными объектами, в т.ч. и виртуальными, а партнеры полагались только разнополыми и ориентированными на репродуктивный секс. Сейчас все больше говорят об индивидуальной норме, ограниченной лишь возможностями самого человека и правами другого человека (или множества людей) на достижение сексуального удовлетворения. Что же касается других объектов (животные, трупы, неодушевленные предметы, виртуальный мир и т.д.), то сфера регуляции этих взаимоотношений, так или иначе, преломляется через человеческие отношения, если, разумеется, речь не идет о робинзонадах. Если между людьми «все возможно» по взаимному согласию, не приводящему к смерти или увечью, то иные отношения имеют односторонний характер субъектно-субъектной связи. Э. Берн, вводя в свое время понятие «гуманистического секса» (без насилия и принуждения) полагал, что человек должен быть гуманен и ко всему неорганическому и

органическому миру вокруг него. В те годы проблема виртуального секса не была еще столь актуальной как сейчас, когда активно обсуждается проблема виртуальных «браков» и «измен» в контексте реальных отношений. Рост эскейпизма в современной культуре, стремление миллионов людей вести себя «иначе», чем предписывается нормами и правилами стало реальностью.

Этому в немалой степени способствует развитие сенсорных технологий, что ведет в конечном итоге к конструированию биосенсоров и «постчеловека». Как полагают исследователи (Л. Фостер), речь идет о детерминации культурно-исторической сущности человека рядом ключевых технологий, получивших название в виде аббревиатуры N B I C - технологий (nano, bio, info, cogno). Такое «объединение плоти и машин» (П.Брукс) в корне изменит традиционное понимание сексуальности, значительно расширит ее горизонты и по-новому поставит вопросы оценки значимости этих изменений для человека и человечества. Особый интерес в аспекте рассматриваемой проблемы имеют современные представления о соотношении хаоса и упорядоченности в сложных системах, одной из которых является человеческая сексуальность. На первый взгляд, это сплошной «хаос» анатомии, физиологии, психологии пола, не говоря уже о социокультурных детерминантах полового поведения разных социальных групп. Наука, стремясь упорядочить этот безбрежный океан, типизировала отдельные проявления сексуальности, детализировала их, пока не оказалось, что поведение реального человека не укладывается ни, в так называемые, «нормы», ни в перечень девиаций и извращений при всей условности этих терминов. Индивид в этом смысле оказался больше всего похожим на фрактальную модель, суть которой в самоподобии или автомодельности. В отечественной культуре этому образу в наибольшей степени соответствует матрешка, разумеется, не как механическое подобие, а как статистически изоморфный портрет воспроизведения сексуальных характеристик с младенчества и до старости. Для описания таких объектов применимо понятие дробной размерности, что весьма приложимо к характеристике реального сексуального поведения. С этой точки зрения все «стоцентные» гетеро- или гомосексуалы, равно как и другие многие дефиниции, являют собой не более чем идеализированные объекты, тогда как реальность дробна и, именно поэтому, в высокой степени адаптивна. Наше тело в определенном смысле «мудрее» нашего сознания, поскольку оно «хочет» часто совсем не того, о чем размышляет наш мозг и вербализирует в расчете на понимание другого. Сексуальные истории ре-

альных людей полны историями «внезапных» открытий и прозрений в этой сфере, что нередко ужасает самого человека, ибо противоречит не только принятым стереотипам, но и устоявшемуся мнению о самом себе. Это нередко воспринимается как действие какой-то чуждой силы, «сращения», эффекта алкоголя и других наркотиков и т.п. Эти «запалы», конечно, действуют, но «горючий материал» находящийся внутри самопроизводит себя как классическая фрактальная структура, скажем лист папоротника. Индивидуальный «хаос» сексуальной биографии распадаясь на множество фрактальных «обломков» в конечном итоге складывается в определенную целостность, столь же уникальную, как и все остальное в человеке. Важно отметить, что при этом обязательно возникает необходимость эстетической и моральной оценки этих изгибов и вариаций, без чего невозможен и собственно научный анализ этих явлений.

Следует упомянуть еще и об «эффекте бабочки» столь характерном для состояния хаоса в сложных системах. Малейшие изменения и зачастую несущественные на первый взгляд явления порождают цепь обвальных реакций, меняющих саму суть сексуального поведения человека. О распространенности этого феномена свидетельствуют многочисленные высказывания на форумах секс-сайтов Интернета, когда люди «вдруг» начинают вести себя так, что удивляются самим себе. Эти «открытия» довольно точно характеризуют еще одно положение т.н. голографического принципа в постнеклассической науке. Старая, как мир и особенно популярная на Востоке идея «все во всем» наполняется сейчас новым содержанием, суть которого в том, что самая крошечная часть изображения несет в свернутом виде информацию об общей картине процесса. Эта идея обрела концептуально-методологические формы в физиологии и медицине, включая, разумеется, и сексуальную науку. Речь идет о концепции функциональной системы, которая является рабочим механизмом удовлетворения всех потребностей с помощью акцептора результата действия, выступающего в роли голографического экрана. Процессы реализуются в ткани мозга, который и в шутку, и всерьез является главной «эрогенной зоной» человека.

Если еще упомянуть современные воззрения о взаимосвязи телесного и информационного образов человека в аспекте их принципиальной взаимодополнительности, то становится очевидным, что человеческая сексуальность может быть метафорически описана как образ хамелеона. Его ввел в науку физик Л. Аккарди, и именно эта метафора проливает новый свет на понятие объективно су-

ществующих свойств предметов и процессов. Как известно, хамелеон меняет цвет в зависимости от окружающей среды: на стволе дерева он становится коричневым, а когда сидит на зеленой ветке – зеленым. В связи с этим возникает вопрос – каков же цвет хамелеона на самом деле, объективно? Очевидно, что этот вопрос не имеет ответа, так как он некорректно поставлен. Точно так же, как подчеркивает Л. Аккарди, некорректно спрашивать, какова на самом деле проекция спина электрона и его траектория. Пример хамелеона показывает, что странные адаптивные свойства не являются специфическими для микрообъектов, ими обладают и некоторые хорошо нам знакомые макроскопические объекты. Поэтому методы квантовой вероятности, одним из создателей которой является Л. Аккарди, могут использоваться и для описания ряда сложных социокультурных систем, в том числе и человеческой сексуальности. Она тоже, подобно хамелеону, меняет свой «цвет», дает эффект радуги, многоцветья. Этот достаточно «странный» объект даже для постнеклассической науки требует и соответствующих гносеологических подходов. Наиболее важный аспект – это значимость апофатики в познании этих явлений и процессов. Как известно, апофатика присуща восточнохристианскому богословствованию, где она выражает суть подхода к возможности познания человеком Бога. В какой степени этот принцип приложим к социогуманитарному познанию – вопрос открытый, однако, представляется, что сексуальность как объект науки может быть исследована в том числе и на апофатической основе. Тогда ее придется «выводить» за границы разума, «чистой» науки, о чем уже шла речь. Собственно говоря, основной вывод из данных современной науки говорит о том, что есть нечто, ускользающее от объективного исследования и это «нечто» является собой квинтэссенцию данного объекта. Подводя итог, можно сказать, что современная наука о человеческой сексуальности еще не раз удивит мир своими открытиями и прозрениями. С другой стороны, видимо всегда будут открываться еще более широкие горизонты, о которых мы даже не подозреваем, с учетом тех «странностей» объекта и предмета науки, о которых шла речь. Столь же очевидно, что для всеобъемлющего понимания феномена человеческой сексуальности необходимо владение и вненаучными методами познания данного объекта.

Литература

1. *Пас О.* Освящение мига: Поэзия. Философская Эссеистика. СПб., 2000
2. *Крукс Р., Баур К.* Сексуальность. СПб., 2005.
3. *Гидденс Э.* Трансформация интимности. СПб, 2004
4. *Жаров Л.В.* Три в одном или шестнадцатый «вечный» вопрос. Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия. Т.4. Ростов-на-Дону, 2002.
5. *Кон И.С.* 80 лет одиночества. М., 2008.
6. Психология телесности между душой и телом М., 2005.
7. *Соловьева И.А., Матевосян С.Н.* Психодиагностический потенциал телесного образа «Я» в работе с лицами с нарушениями половой идентичности. Ук. соч.
8. *Аннамери Дж.* Введение в квир-теорию. М, 2008.
9. *Уилсон Р.А.* Психология эволюции. М, 2006.
10. *Кон И.С.* Лики и маски однополой любви. Лунный свет на заре. М, 2003.
11. *Бутовская М.Л.* Тайны пола. Мужчина и женщина в зеркале эволюции. Фрязино, 2004.
12. *Палмер Дж., Палмер Л.* Эволюционная психология. Секреты поведения Homo sapiens СПб, 2003.
13. *Гилмор Д.* Становление мужественности: культурные концепты маскулинности. М, 2005.
14. *Моррис Д.* Голая обезьяна. СПб, 2004.
15. *Жаров Л.В.* Бисексуальная революция. Ростов-на-Дону, 2003.
16. *Кон И.* Мужчина в меняющемся мире. М, 2009

***Ростовский государственный
медицинский университет***

15 октября 2009 г.